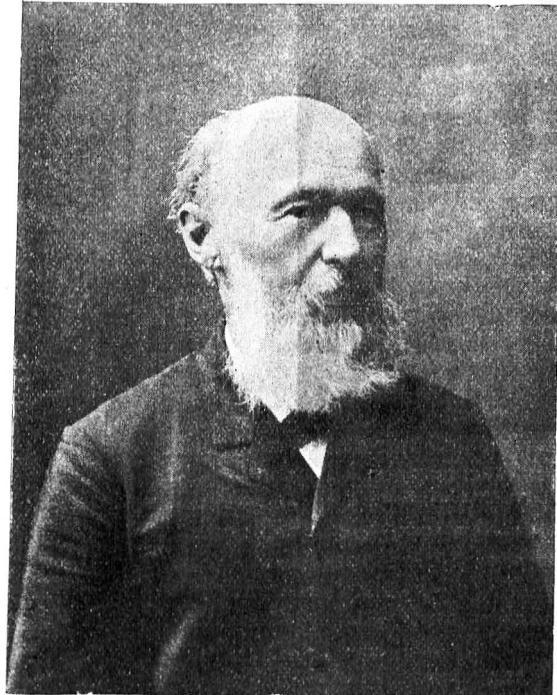

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 25-го Сентября 1905 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 8582.

Л. В. Рейнгардт.

Ректоръ Харьковскаго университета.
(Съ фотографиі А. М. Иваницкаго).

„ПОСЛѢДНІЙ МЕНУЭТЪ“.

Съ французскаго.

„Майзера“.

Дѣтскіе глаза мои очаровали портретъ, пастель тонкой, художественной работы. На темномъ фонѣ Тріанонской деревушки, рисовалась изящная фигура молодой, танцующей женщины. Ея маленькая стройная ножка, казалось, трепетала, выступая изъ узкой рамки; тонкіе, словно выточены пальцы, узанные дорогими кольцами, приподымали пышные складки вышитаго гирляндами платья; молодое беззаботное лицо съ бархатнымъ, золотистымъ отливомъ кожи, беспечно улыбалось. На гибкой, длинной шеѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, куда вонзился роковой клинокъ, тонкая коралловая нить казалась узкой кровавой полоской. Батистовый, ажурный шарфъ прикрывалъ обнаженные плечи, яркая лента придерживала волну непокорныхъ волосъ, падавшихъ на лобъ шаловливыми колечками.

Глубокіе, синеватые зрачки ея были прозрачны, какъ воды горного ручья, а взглядъ большихъ, прекрасныхъ глазъ, томный, усталый, ласкалъ васъ.

Ее звали Сильвіей: она прѣхала съ далекихъ острововъ. Голосъ ея напоминалъ щебетаніе южной птички: она любила странные, сладкіе плоды, легкія шелковистыя ткани, яркіе душистые цветы... весь день проводила нѣжась въ креслье, лѣниво обмахиваясь вѣтеромъ, мечтая въ полуракѣ, подъ чтеніе стиховъ, или танцуя, въ то время, какъ

квартетъ—скрипка, флейта, басъ и клавесины—игралъ ей любимые, избранные мотивы и варьациі. Мой прапрадѣдъ, маркизъ С. Сиркъ, бывши губернаторомъ на Мартиникѣ, женился на ней, полюбивъ ее за веселое щебетаніе, вѣчную улыбку, блестящій нарядный видъ птички, крошечныя ножки, прекрасныя руки, съ нѣжнымъ перламутровымъ оттенкомъ.

Настали тревожные, грозные дни. Сильвія рѣшительно отказалась оставить Парижъ, подсмѣиваясь надъ опытными, осторожными людьми, убѣждавшими ее, пока не поздно, эмигрировать, и спряталась въ своимъ обширномъ отелѣ, подобно ласточкѣ, выжидая конца грозы, чтобы улетѣть, при первомъ лучѣ солнца.

Тамъ она считала дни, тоскуя, томясь въ двухъ комнатахъ, выходившихъ окнами въ садъ. Одна изъ нихъ, меньшая, служила ей спальней, другая будуаромъ. Молодая отшельница оживила ее большими зеркалами, передъ которыми

М. Мухачевъ.

Директоръ Харьковскаго технологическаго института.

проводила часы, любуясь собой, то смысь, то улыбаясь, то цѣлюя свое изображеніе, то капризно надувая губки, судя по состоянію своего духа, а оно бывало неровное.

Рѣзной ящикъ розового дерева, наполненный красками, румянами, бѣлыми, пудрой, мушками, различными эссенціями и духами приковывалъ ея вниманіе: передъ нимъ она украшала себя, будто на праздникъ. Порой садилась она къ клавесинамъ, наигрывая какой нибудь балетъ

Рали, аріету Люлли, или креольскую пѣсню, полную нѣги и тихой грусти, настававшую ей грэзы о далекой, прекрасной родинѣ. Въ длинные вечера она мечтала въ качалкѣ, глядя на убѣгавшіе клубы дыма, сливавшіеся съ легкими облачками, любуясь игрой свѣта и тѣней, слушая пѣніе птичекъ, дрожаніе листьевъ, шопотъ уснувшихъ деревьевъ, далекіе крики улицы...

Кромѣ попугая, знавшаго галантные мадrigалы кавалера де-Буффлеръ, нѣсколько военныхъ напѣвовъ, чудесно подражавшаго громкому голосу и провинціальному акценту г. Мирабо, а при случай, свистѣвшему, какъ любой уличный мальчишка, двѣ прелестныя собачки, бѣлонѣжная Земиръ и золотистая Шантенѣ, развлекали ея одиночество.

Давно ужъ была она покинута, всѣми забыта, и только старая, преданная прачка, обожавшая ее наравнѣ съ Господомъ и Пречистой Дѣвой, да ея мужъ, бывшій метръ-д'отель, теперь громившій умѣренныхъ съ цѣлью отвлечь подозрѣнія и выдававшій себя за маратиста, злѣе самого Марата, остались ей вѣрны.

Они успѣли за горсть бумагъ и три мѣшечка золота купить отель С. Сирка, въ день продажи его съ торговъ, какъ национальное имущество, и оберегали тамъ Сильвію, прислуживали ей, жалѣя ея прелестныя, изнѣженныя руки: они одни знали потайные ходы, приводившіе къ ея убѣжищу, но свято хранили тайну.

Несмотря на ихъ просьбы, совѣты, разсказы, полные крови и ужаса; несмотря на то, что тюрьмы кишѣли, переполненные подозрительными, а телѣги, отвозившія осужденныхъ на казнь, никогда не пустовали, беспечная Сильвія, проскользнувъ ночью, какъ легкая тѣнь

Г. I. Гумилевский.

Директоръ Харьковскаго ветеринарнаго института.

И. М. Боргмань.
Ректор Петербургского университета.

Н. М. Цытовичъ.
Ректор университета св. Владимира въ Киевѣ.

Князь С. Н. Трубецкой.
Ректор Московского университета.

А. А. Мануиловъ.
Помощникъ ректора Московского университета.

на крышу, проводила тамъ часы, лубуясь темной мрачной бездной, гдѣ кипѣла жизнь, гдѣ сновала оживленная толпа, откуда доносились удары бича, топотъ и ржанье быстрыхъ лошадей, клики национального патруля...

И въ одинъ прекрасный, лѣтній вечеръ она потеряла голову, не устоявъ передъ соблазномъ улетѣть на мгновеніе изъ душной клѣтки, вздохнуть свободно на волѣ.

Нарядный, шумный городъ сиялъ, празднуя взятіе Бастилии; онъ гремѣлъ, пѣлъ, танцоваль, ликующій, сверкающій яркими огнями, кровавымъ заревомъ. Оркестры перекликались въ сосѣднихъ кварталахъ. Но было что то зловѣщее въ его мощной красѣ.

Не имѣя силъ сдержаться, Сильвія набросила на голову шелковый, красный фуляръ, небрежно скрутила волосы, надѣла скромное, простенькое платье, приколола гвоздику къ вырезу корсажа и,

увѣренная, что новый нарядъ дѣлалъ ее неизнаваемой, что каждый приметъ ее за скромную служанку, или крестьянскую дѣвушку, какъ звѣрекъ, пробралась по грустному сумрачному отелю, и радостная, взолнованная, съ слегка бьющимся сердцемъ, проскользнула черезъ калитку.

И вотъ она въ объятіяхъ толпы, оглушенная, опьяняенная непривычными шумомъ, свѣтомъ, огнями, стиснутая, выдвинутая впередъ.

И. М. Занчевский.
Ректоръ Новороссийского университета въ Одессѣ.

Е. С. Карский.
Ректоръ Варшавскаго университета.

А. А. Вороновъ.
Директоръ технологического института въ С. Петербургѣ.

Н. А. Гезехусъ.
Помощникъ директора технологического института въ С. Петербургѣ.

вольствіе; сердце ея сжимается, полное страха и отвращенія.

Но какъ? что слышитъ она? Эти звѣри могутъ апплодировать, наслаждаться, просить повторенія?

Вынесетъ ли она подобную пытку?

Не забыть ли ей на мгновеніе свое происхожденіе, не вернуть ли ихъ къ разсудку, давши маленький урокъ?

И мысли эти, молнией, сверкнули въ ея вѣтреної головкѣ. Куда дѣвалась недавний страхъ? Повинуясь мимолетному капризу, не разсуждая, не думая о томъ, чому подвергаетъ свою жизнь, что эти озвѣрѣвшіе, ужасные люди, которымъ она бросаетъ вызовъ, ринутся на нее, какъ на добычу, бросивъ ей въ лицо свой гнѣвъ и ненависть, раздавя ее своими сжатыми кулаками, растерзваютъ ее, она съ улыбкой на румяныхъ устахъ, маленькая, хрупкая, выходить изъ толпы, приближается легкимъ шагомъ къ эстрадѣ, и съ милой, чарующей улыбкой, ласковымъ голосомъ говорить:

— Позволите ли мнѣ показать вамъ что такое настоящіе танцы? и, не дожидаясь отвѣта, она бросаетъ полный колешекъ музыкантамъ.

— Прошу начать, если хотите.

Менуты!

Покорные, они повинуются, подозрѣвая, что здѣсь вмѣшался богъ любви.

Ряды любопытныхъ раздвигаются; на лицахъ написано удивление передъ неслыханной дерзостью. Раздаются сдержаннныя голоса.

А г-жа Сиркъ, съ поднятымъ пальчикомъ, вся розовая, оживленная, съ блестящими глазами, приподнявъ платье и откравъ чудесныя ножки, прислушивается чуткимъ ухомъ къ прелюдіи.

Вдругъ по лицу ея скользить тѣнь неудовольствія.

— Ужели я буду танцевать одна?

Глухое, зловѣщее молчаніе. Никто не отвѣчаетъ на ея призывъ.

— Тѣмъ хуже: я буду танцевать одна!

И въ то мгновеніе, какъ маленькая ножка ея нетерпѣливо трепещать, и вся она грациозная, подвижная, будто готова вспорхнуть, какая то женщина съ засученными до покта рукавами, грубыми руками, съ отвратительнымъ взглядомъ пынныхъ, мутныхъ глазъ кричитъ:

— Ого! да не будетъ ли эта намазанная кукла сама С. Сиркъ!

— Бывшая маркиза, та, что надѣлала столько шума, пуская пыль въ глаза? другъ Австріячки спрашиваются другіе.

— Ну да! Ну да! Вѣдь, я то, кажется, въ своемъ умѣ: я знаю ее хорошо.

Да поглядите-ка. Она бѣлѣе чистаго бѣлла, а эти руки никогда не прикасаются къ грубой работѣ. Погоди, голубушка, посмотримъ, какъ стянутъ тебѣ корсетъ, а за одно и шею. Аристократка!

Музыканты умолкли.

Сильвія дрожитъ, потерянная, блѣднѣетъ, прикрывая глаза, какъ только что проснувшійся ребенокъ. Головка ея поклоняется, какъ подкошенный цветокъ.

Крики усиливаются.

— Смерть ей! Смерть! слышится голоса.

— Какы! Переодѣваться патроткой, чтобы лучше шпионить, околовывать нашихъ молодцовъ своими чарами?

Смерть ей! Смерть измѣнницъ! Къ ви-сѣлицѣ.

И двадцать, тридцать рукъ, жадно тя-нутся къ ней,—хватаютъ, тащатъ, вле-кутъ за собой, рвать на клочки, нанося побои, издѣваясь...

Глаза ея теперь широко открыты.

Возвращающіеся съ ночного обхода солдаты вырвали ее полумертвую изъ рукъ озвѣрѣвшей толпы,бросили въ тюрьму, а на слѣдующій день, ея пре-лестная, кудрявая, безпечная головка, дрогнувъ, обагренная кровью, упала въ корзину гильотины...

Заграничная жизнь.

Към гибелта броненосца „Миказа“.

Въ „Daily Telegraph“ напечатаны слѣдующія интересныя подробности гибели броненосца „Миказа“.

Судно стояло на якорь въ Сасебо. На немъ производились нѣкоторыя исправленія. Когда на палубѣ раздался крикъ „пожаръ“, вся команда спала въ гамакахъ. На половину одѣтые матросы бросились къ огнестрѣльнымъ снарядамъ и съ ожесточеніемъ принялись за борьбу съ пламенемъ. Въ первыя минуты катастрофы на кораблѣ господствовала невѣроятная паника, но затѣмъ хладнокровіе вернулось къ людямъ. Несмотря на отчаянныя усиленія команды, огонь быстро распространился и добрался до пороховыхъ камеръ. Послѣднія стали взрываться съ такимъ грохотомъ, что гулъ былъ слышенъ въ сосѣднихъ городахъ. Эти именно взрывы и унесли очень много жертвъ. Но еще больше матросовъ пострадало отъ лопавшихся подъ вліяніемъ жары паровыхъ трубокъ, обжигавшихъ на смерть людей и уродовавшихъ ихъ до неузнаваемости. Значительная часть экипажа погибла въ трюмѣ броненосца, куда бросились тушить огонь и откуда потомъ уже не могла выбраться. Агонія этихъ несчастныхъ поистинѣ была ужасна.

Искъ потомковъ Костюшко.

„Berliner Tageblatt“ сообщаетъ о предстоящемъ многомилліонномъ процессѣ, возникшемъ между потомками знаменитаго польского героя Костюшко и правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Потомки Костюшко взыскиваютъ съ американского правительства не болѣе не менѣе, какъ 170 миллионовъ рублей, основывая свой искъ на томъ, что, по окончаніи войны американскихъ колоній Англіи съ ихъ метрополіей въ 1778 году, въ которой Костюшко принималъ дѣятельное участіе, онъ былъ награжденъ правами американского гражданства, чиномъ бригаднаго генерала и землями, на которыхъ теперь раскинулся городъ Чикаго. У истцовъ—потомковъ Костюшко—имѣется официальный документъ, перешедшій недавно въ ихъ руки по завѣщанію.

Образцовые дома для бывшихъ.

Генрихъ Фипсъ, стальнай миллионеръ въ Питсбургѣ, пожертвовалъ 20,000,000 франковъ на сооруженіе образцовыхъ домовъ для бѣдныхъ. По плану этого филантропа, въ большихъ городахъ Америки должно быть построено 20 домовъ. Постройка каждого обойдется въ 200,000

Литературній салон відкрився на художній
виставці «Світ мистецтва» в Харківському музейно-заповіднику.
На виставці було представлена колекція
живопису та графіки, що відображала розмаїття
художніх течій та стилів XIX-XX століть.

фр. Дома будут 6 этажные с обширными внутри дворами, въ подвальныхъ этажахъ устроены будут детские сады на 200 чел. На крышахъ домовъ проектируется разбить садики. Бани съ душами и дезинфекціонной камерой будут устроены для каждой семьи отдельно. Освещеніе электрическое. Максимальная плата 75 фр. въ мѣсяцъ за квартиру отъ 2 до 4 комнатъ. Для такихъ большихъ и дорогихъ городовъ, какъ Нью-Йоркъ, дома Фипса настоящее благодѣяніе для бѣднаго трудящагося люда.

Босой миллиардеръ.
Извѣстный американскій миллиардеръ Джонъ Рокфеллеръ, — про котораго одна американская газета сказала, что онъ въ жизни своей столько поглотилъ микстуры что изъ нея можно было бы сдѣлать судоходную рѣку,—теперь, на склонѣ своихъ дней, обратился для сохраненія своей драгоцѣнной жизни къ системѣ доктора Кнейпа, т. е. изгналъ изъ употребленія обувь.

Американские юмористические листки по поводу этого острята: „Босымъ родился нашъ Джонъ Рокфеллеръ, босымъ и въ могилу желаетъ идти“.

Практическая принцесса.

Принцесса Кобургская написала "Записки о придворной жизни", где разоблачается масса тайнъ. Она продала рукопись одному издателю за миллионы франковъ, подъ условиемъ, что "Записки" будутъ выпущены въ свѣтъ лишь послѣ смерти ея отца, короля Бельгіи, Леопольда.

СМѢСЬ.

Петръ Великій у прадѣла Шопенгауера
Берлинская фирма Эрнста Хефмана выпустила недавно въ продажу книгу извѣстнаго биографа Шопенгауера—Эдуарда Гризебаха, носящую заглавие: „Новыя даннныя изъ жизни Шопенгауера“. Въ этой книгѣ говорится о посѣщеніи Петромъ Великимъ вмѣстѣ съ Императрицей въ 1716 году въ мартѣ мѣсяцѣ въ Данцигѣ прадѣла философа, Іоганна Шопенгауера.

лософа, Йоганна Шопенгауера.

Замѣтка объ этомъ постиженіи, находящаяся въ „Посмертныхъ запискахъ Йоганна Шопенгауера“, изданныхъ его дочерью (Брауншвейгъ 1839 г.) гласитъ спѣшущуюся:

„Императоръ и его супруга обошли весь домъ, чтобы выбрать себѣ спальню, и ихъ выборъ палъ на существующую и въ мое время (1789 г.) не большую комнату, въ которой не было ни печки, ни камина; но такъ какъ было очень холодно, комнату слѣдовало нагрѣть.

но, комнату слюдовала нагрѣть.
„Старый Шопенгауэр нашелся... бѣлья стѣны безъ обой, поль, по тогдашней модѣ, выполненный голландскими изразцами, не представляли собою помѣхи для его находчивости. Было принесено множество бутылокъ съ водкой, которую вылили на поль, въ предварительно плотно припертой комнатѣ и подожгли. Царь съ восторгомъ смотрѣлъ на море огня, пылавшее у ногъ; для того чтобы пламя не распространялось дальше, были приняты всѣ мѣры предосторожности. Когда вода выгорѣла, царственные супруги отошли ко сну въ раскаленной, наполненной дымомъ и копотью комнатѣ.

„На следующее утро оба встали совершенно здоровые, даже без мигрени и покинули гостеприимного хозяина, дома которого, благодаря их пребыванию, сдался отныне знаменитым.

Гризебахъ комментируетъ этотъ разсказъ слѣдующимъ образомъ: „Іоганнъ Шопенгауеръ, очевидно, взялъ себѣ примѣромъ, въ этомъ случаѣ, Карла XII, который, будучи въ сентябрѣ 1707 года въ Дрезденѣ, въ гостяхъ у Августа Сильнаго, чтобы согрѣть комнату, въ которой онъ помышлялся, и которая также была выложена изразцами, приказалъ выпить цѣлую бочку спирта и зажечь его“.

Типографія „Южного Края”, Сумська ул., д. А. А. Іозе